

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гоголь Н. В.

В. А. Воропаев,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 Москва, ГСП-1, Россия

**«БЛАГОДАТЬ ВИДИМО ТАМ ПРИСУТСТВУЕТ»:
ОПТИНА ПУСТЫНЬ В СУДЬБЕ Н. В. ГОГОЛЯ**

Работа выполнена при поддержке РГНФ
Проект № 14-04-00407а
(«Новые аспекты изучения биографии и творчества Н. В. Гоголя»)

Аннотация: Поездки в Оптину Пустынь и знакомства с насельниками монастыря оставили глубокий след в душе Н. В. Гоголя: «Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» (из письма к графу А. П. Толстому от 10 июля 1850 г.). В статье освещены отношения Гоголя с оптинскими иноками: послушником Петром Жерве, старцем Макарием (Ивановым), игуменом Моисеем (Путиловым), монахом Порфирием (Григоровым), иеросхимонахом Феодотом (Кольцовым). Установлен адресат письма Гоголя в Оптину Пустынь (село Долбино, 20 июня 1850 г.): «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет...», который долгое время оставался неизвестным или указывался неверно. Это был иеромонах Филарет (в схиме Феодот), оптинский старец, духовник братии Гефсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Препятствием для правильной атрибуции стала смена имени при пострижении в схиму. Письмо Гоголя и его суждения об обители стали хрестоматийными. В 1916 г. С. Н. Дурылин процитировал гоголевские строки и распространил мысль, обобщая духовный опыт многих людей: «Да, быть в Оптиной, — быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее — и быть все же в Оптиной <...> Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все — от Киреевского до плачущей бабы».

Ключевые слова: Гоголь, монастырь Оптина Пустынь, монашество, старцы, духовное наставничество, творческие замыслы.

Дата поступления статьи: 01.04.2016

Информация об авторе: Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». E-mail: voropaevvl@bk.ru

Н. В. Гоголь в своей жизни много путешествовал, объездил всю Европу, совершил паломничество в Иерусалим, собирался ехать на Святую гору Афон. Не раз бывал он в известных русских монастырях, в том числе в Оптиной Пустыни.

Слух о благодатных Оптиных старцах с первой трети XIX в. начал привлекать в монастырь едва ли не всю верующую Россию — от крестьянина до государственного деятеля, искавших духовного утешения и наставления, а также ответов на жизненно важные вопросы. Приезжали туда русские писатели-мыслители — Иван Киреевский, Фёдор Достоевский, Лев Толстой, Константин Леонтьев. В этом ряду был и Николай Гоголь, который с одобрением относился не только к молитвенной жизни пустыни, но и к её издательской деятельности.

В середине 1840-х гг. по инициативе преподобного Макария и его духовных чад Ивана Васильевича и Наталии Петровны Киреевских в Оптиной Пустыни началось издание классики аскетической письменности. Были выпущены творения преподобных отцов Исаака Сирина, Нила Сорского, Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Аввы Дорофея. Настоятель монастыря архимандрит Моисей вместе со старцем Макарием рассылали эту литературу по всей России, в первую очередь епископам всех епархий, в Духовные академии и семинарии, в Афонские монастыри. Это была забота о духовном просвещении русского народа. Такую же цель имел и Гоголь.

В Оптиной Пустыни Гоголь бывал трижды: в июне 1850 г. и в июне и сентябре 1851 г. Когда у него созрел замысел первой поездки — в точности неизвестно. Первое документальное свидетельство об интересе Гоголя к Оптиной относится к 1846 г. Камер-юнкер Владимир Муханов, лечившийся в ту пору за границей, писал в августе этого года сёстрам из Остенде: «Здесь мы нашли Гоголя, с которым познакомились. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству христианской любви <...> Недавно читал он нам два прекрасных письма молодого Жерве к своему отцу, писанные из Оптиной Пустыни. Мы слушали с умилением. Сколько веры и любви в молодом подвижнике, оставившем мир и все прелести в тех летах, когда они так обольщают человека, и посвятившем себя Богу! Какое тихое и торжественное спокойствие в этой душе, достигшей пристани!» [3, т. 3, с. 593].

Речь идёт о Петре Александровиче Жерве, отставном поручике лейб-гвардии Семёновского полка, ставшем насельником Оптиной в конце 1843 г. 4 ноября этого года Пётр Жерве определён в число братии; находился под духовным окормлением старца Макария. В Летописи скита Оптиной Пустыни за 1844 г. отмечено, что в первых числах января «поступил в скит на жительство отставной поручик Петр Александрович Жерве, получивший воспитание в Пажеском корпусе. Послушание его канонархом (пение на клиросе. — В. В.), а в келейном занятии — токарное и письменное» [3, т. 3, с. 596; 10, с. 97].

Некоторые сведения о Жерве содержатся в письмах преподобного Макария к монашествующим. Так, 14 декабря 1843 г. старец сообщал игумену Антонию (Путылову): «У нас живет на гостинице молодой человек г. Жерве, гвардейский офицер, пленившийся чтением Св. Писания, Библии на французском языке, и сим отторгший себя от прелестей мира. <...> Что дальше будет, неизвестно, а теперь располагает переселиться с нового года в наше скитское сообщество. Да укрепит его Господь» [15, т. 1, с. 211]. В письме к монахине Тавифе (Варпаховской) от 25 октября 1849 г. старец Макарий снова упоминает о молодом послушнике: «А еще Петр Александр<ович> Жерве, из одной крайности мнимой высоты жительства перешел в другую, низшую; оставил скит, вышел в монастырь, стал жить порассеянной. Очень жаль его бедного; вот мое искусство в окормлении! А слепцы все слепцы, <но> мнятся нечто быти. Горе мне!»¹

¹ РГБ. Ф. 213. К. 80. Ед. хр. 01. Л. 485. Сообщено С. О. Захарченко.

В 1851 г. Пётр Жерве значится как послушник в скиту, но в записи от 29 августа скитской летописи указано, что он «паки (опять, снова. — В. В.) перешел из скита в обитель» [3, т. 3, с. 596; 10, с. 206]. В том же году Жерве уволен из монастыря по собственному прошению и исключён из числа послушников. Гоголь мог встречаться с ним во время своих посещений обители.

По всей вероятности, в Оптину Гоголя направил Иван Киреевский, который как никто другой понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышления, — писал он Александру Кошелеву 10 июля 1851 г., — найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов. Такие старцы, благодаря Бога, еще есть в России...» [8, с. 93–94]. Без сомнения, такие же мысли Киреевский высказывал и Гоголю. Как бы там ни было, в июне 1850 г. Гоголь вместе с Михаилом Максимовичем проездом на юг, в Малороссию, заезжает в Оптину.

13 июня друзья выехали из Москвы на долгих. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили поэта-славянофила Алексея Хомякова с супругой и провели вечер в дружеской беседе с ними. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце, утром отстояли молебен в тамошнем Николаевском монастыре, настоятель которого отец Антоний напоил их чаем и благословил каждого финифтяным образом Николая Чудотворца.

Игумен Антоний был одним из трёх братьев Путиловых, известных подвижников христианского благочестия. В течение четырнадцати лет он был начальником Иоанно-Предтеченского скита, последующие четырнадцать лет управлял Малоярославецким Николаевским монастырем и потом двенадцать лет прожил на покое в Оптиной Пустыни. Его брат, архимандрит Моисей, был настоятелем Оптиной почти сорок лет; за эти годы монастырь преобразился и обустроился, развернулась его издательская деятельность, расцвело старчество. Третий брат Путилов, отец Исаия, был игуменом Саровской обители (о нём Гоголь упоминает в письме к графу А. П. Толстому от 10 июля 1850 г).

16 июня Гоголь и Максимович провели в Калуге, днём обедали у Александры Осиповны Смирновой, супруги калужского губернатора, давней приятельницы Гоголя. Здесь, в присутствии известного поэта — графа Алексея Константиновича Толстого, Николай Васильевич говорил о своём намерении «проездить по России». Пантелеимон Кулиш, первый биограф писателя, рассказывает со слов Максимовича: «Между прочим, путешествие на долгих было для него (Гоголя. — В. В.) уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, езда по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частью были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всём её разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, “чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился”» [9, с. 570–571].

Из Калуги Гоголь и его спутник отправились в Оптину Пустынь. Последние две версты до монастыря они прошли пешком, как и полагается паломникам. По дороге встретили девочку с мисочкой земляники и хотели купить у неё ягоды. Но та, видя,

что они люди дорожные, не захотела взять денег и отдала землянику даром со словами: «Как можно брать со странных людей». «Пустынь эта распространяет благочестие в народе, — сказал Гоголь, умилённый этим явлением. — И я не раз замечал подобное влияние таких обителей» [9, с. 573].

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям иноков, присутствовал на всенощном бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умилением» [3, т. 3, с. 732], затем посетил старцев. Было это, по всей видимости, 17 июня (этот день в 1850 г. приходился на субботу, когда совершается под воскресенье всенощное бдение). 19 июня путешественники уехали в имение Ивана Киреевского Долбино, находившееся в сорока верстах от монастыря возле города Белёва.

Здесь Гоголь на следующий день написал письмо оптинскому иеромонаху Филарету:

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом неложно. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу имени Его, не посмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердый, сделать всё и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыне» [2, т. 15, с. 332–333].

В эпистолярном наследии Гоголя трудно найти другое письмо, в котором бы так проникновенно было выражено его христианское мирозерцание, молитвенное устройство души. Долгое время адресат этого письма оставался неизвестным или указывался неверно. На самом деле им был иеромонах Филарет (в схиме Феодот; Кольцов, 1804–1873), оптинский старец, духовник братии Гефсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Препятствием для правильной атрибуции стала смена имени при пострижении в схиму. Скажем несколько слов об этом великом монахе-аскете, прозорливом духовнике и молитвеннике².

Феодот Захарович Кольцов происходил из государственных крестьян Тульской губернии. В Оптину Пустынь поступил в 1834 г. тридцати лет. Находился под духовным окормлением сначала преподобного Льва (Наголкина), потом преподобного Макария (Иванова). 23 декабря 1842 г. пострижен в монахи с именем Филарет. 30 июня 1846 г. рукоположен во иеродиакона, 11 декабря 1849 г. — во иеромонаха. Послушание проходил на мельнице, в разных посылках, клиросным.

На протяжении многих лет отец Филарет исполнял обязанности сборщика (сбирал деньги на обитель и записывал дарителей в особую тетрадь); при этом нисколько не изменилось его внутреннее монашеское устройство, что бывает далеко не всегда.

² Пользуясь случаем, приношу благодарность оптинскому иеродиакону Платону (Рожкову) за уточнение сведений об иеросхимонахе Феодоте (Кольцове).

Тем не менее, опасаясь вреда душевного, могущего произойти от общения с миром, он в апреле 1851 г. перешёл в Спасо-Преображенский монастырь Казанской епархии, а в августе того же года — в Гефсиманский скит при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. 10 декабря 1851 г. отец Филарет был назначен духовником братии. 23 декабря 1854 г. по благословению святителя Филарета, митрополита Московского, он принял схиму с именем Феодот.

Схима — высшая степень монашества, соединённая со строгими обетами самоотвержения. Монах, принявший схиму, иначе — великий ангельский образ, — даёт обет отречения от мира и всего мирского. Перед пострижением в схиму отец Филарет советовался со своим духовным отцом, преподобным Макарием. Вот что отвечал ему старец в июне 1854 г.:

«В письме своем от 5 мая ты, уведомляя меня о своей болезни и о том, что лекарственные пособия не приносят тебе ощутительной пользы, между прочим говоришь, что советуют тебе просить схимы. Ты же, склоняясь на предложение сие сердечным желанием, с другой стороны, колеблешься мыслию, видя, что по телесной немощи своей не в состоянии будешь исполнять схимнического правила и на таковые твои недомыслия просишь моего совета» [15, т. 2, с. 383].

И далее, приведя суждения святых отцов по поводу принятия схимнического образа и о правиле для немощных, старец заключает письмо следующим рассуждением: «...если желаешь оставить духовничество и принять схиму, прежде всего должен обратиться с молением к Богу, прося Его помощи, да совершится на тебе воля Его святая; и потом, отвергая свою волю и разум, предложить сие намерение свое на рассуждение начальников и поступить во всем согласно их решению, без сомнения принимая оное за определение о тебе воли Божией» [15, т. 2, с. 384].

Прожив семь лет в Гефсиманском скиту при Свято-Троицкой Сергиевой лавре, отец Феодот пожелал совершенного безмолвия и уединения. По благословению наместника лавры архимандрита Антония (Медведева) он удалился с двумя иеросхимонахами в глубину леса за пять вёрст от скита. Здесь схимники построили себе кельи на расстоянии друг от друга в вержéние камня (мера длины, определяемая полётом камня средней величины) и предались безмолвию и иноческим трудам. В 1858 г. на этом месте была основана Параклитова пустынь, начальником которой назначен иеросхимонах Феодот. После пятилетнего пребывания здесь он пожелал возвратиться в Оптину, дабы найти последнее упокоение рядом с могилами святых старцев-схимников преподобных Льва и Макария.

В апреле 1863 г. отец Феодот вернулся в родную обитель и принят был с любовью оптинским настоятелем и братией. Двери его кельи никогда не закрывались для нуждавшихся в его молитвенной помощи и совете. До конца своих дней он подавал монастырской братии пример усердием к молитве и церковному богослужению, а также смирением, простотою и нестяжательностью [см.: 1, с. 242–244; 10, с. 270, 686–687; 6, с. 365; 12, с. 139–141].

Отец Феодот почил мирной христианской кончиной 8 марта 1873 г. Погребён между Казанским и Введенским соборами. Как сказано в его жизнеописании, «любовь некоторых духовных чад его и расположенных к нему особ воздвигла ему памятник, внутри которого день и ночь теплится лампада пред образом Спасителя» [1, с. 244].

Письмо Гоголя к оптинскому иеромонаху Филарету (Кольцову) стало хрестоматийным. В 1916 г. С. Н. Дурылин в очерке «Начальник тишины» процитировал гоголевские строки и распространил мысль, обобщая духовный опыт многих людей: «Да,

быть в Оптиной, — быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее — и быть все же в Оптиной <...> Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все — от Киреевского до плачущей бабы»³ [5, с. 317].

Посещение монастыря произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели он писал графу А. П. Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами всё. <...> За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители...» (из письма от 10 июля 1850 г.) [2, т. 15, с. 337–338].

В первый приезд Гоголя в Оптину произошло его знакомство с человеком удивительной судьбы, Петром Александровичем Григоровым, в то время рясофорным иноком. В мире он был гвардейским офицером и служил в конной артиллерии; из прошлой его жизни широко известен забавный эпизод. Однажды на батарее Григорова появился штатский молодой человек (это было близ Задонска); когда в нём был признан А. С. Пушкин, пылкий артиллерист, поклонник великого поэта, немедленно произвёл пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту⁴.

Иноческую жизнь Пётр Григоров начал келейником у знаменитого Задонского затворника Георгия, духовную близость к которому он сохранил и перейдя в Оптину Пустынь. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия» с кратким жизнеописанием, составленным по запискам его келейников (в том числе самого Григорова).

По приезде Гоголя игумен Моисей поручил послушнику Петру показать гостю храмы и другие строения обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь полюбил Григорова и впоследствии говорил о нём: «Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев...» [3, т. 2, с. 391]. Григоров уже в то время был тяжело болен, но недуг свой умел скрывать, пока это было возможно.

Гоголь рассказывал своему новому другу много поучительного, в частности о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского. В Оптиной сохранилось следующее предание, пересказанное преподобным Амвросием: «С IV века и доньше Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим

³ Ср. отмеченное А. Б. Гольденвейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму графа Л. Н. Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы о нем молились. “Очень нехорошее письмо, — сказал Лев Николаевич. — Жалкое какое-то самоунижение и в то же время — преувеличенное значение своих писаний”» [4, с. 293].

⁴ Этот эпизод из жизни Григорова известен со слов Гоголя в пересказе М. П. Погодина [см.: 13, с. 43–44] и Л. И. Арнольди [см.: 3, т. 2, с. 392]. В обоих случаях Григоров назван Григорьевым.

торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай» [3, т. 3, с. 616–617].

Это недатированное письмо преподобного Амвросия Оптинского, известное под названием «О почитании святых мощей», имеет широкое хождение в паломнической литературе и не раз привлекало внимание биографов Гоголя. Недавно было опубликовано по автографу письмо другого Оптинского старца — преподобного Макария — к духовной дочери Анне Ивановне Воейковой (от 26 января 1849 г.), в котором также идёт речь о пребывании Гоголя на Корфу (по пути в Иерусалим) и о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского.

«Кстати о св. мощах идет речь, скажу вам сообщенное мне в письме от Натальи Петровны (Киреевской. — В. В.), а им пересказывал Гоголь, бывший в прошлом году в Корфу; там есть мощи св. Спиридона Тримифунтского. На открытии английский путешественник, бывши там, желал видеть мощи св. Спиридона без покрова, что и было исполнено. Англичанин осматривал св. мощи (которые, как говорит Гоголь, сохранились совершенно невредимыми, и представляют вид недавно умершего человека), начал рассуждать о том, что это св. мощи набальзамированы и что это особенно известный род бальзамирования, употребляющийся еще в Египте, и состоит в том, что мертвому вырезают кусок из спины, — чрез отверстие вынимают внутренность и наполняют тело ароматическими веществами. Когда он это говорил и монахи его слушали, может быть, иные и начинали сомневаться, тогда *св. мощи вдруг сами собою повернулись в раке, и перевернулись к нему спиной!* Это так поразило англичанина, что он тут же с ума сошел, а весь город ни о чем не говорил как об этом происшествии, когда Гоголь туда приехал» [14, с. 298].

Из письма преподобного Макария Оптинского следует, что Гоголь был не свидетелем чуда, а лишь слышал о нём от других горожан и потом рассказывал об этом Натальи Петровне Киреевской. К сожалению, письмо, на которое ссылается старец Макарий, не обнаружено. В результате сопоставления имеющихся на сегодняшний день сведений современный исследователь приходит к заключению, что «только в конце января 1848 года Гоголь имел возможность посетить святой остров, почему не мог быть свидетелем чуда у мощей святителя Спиридона Тримифунтского, хотя только благодаря русскому писателю в мире стало известно об этом чудесном событии, прославляющем православную веру» [7, с. 139].

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и своему племяннику Николаю Трушковскому, едущему поступать в Казанский университет. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье» [2, т. 15, с. 344].

В заключение Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передаёт деньги на молебен (десять рублей серебром) о благополучном путешествии к святым местам и о благополучном окончании сочинения своего — «Мёртвых душ» — «на истинную пользу другим и на спасенье собственной души».

Николай Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент; Пётр Григоров только что был пострижен в мантию с именем Порфирий и неизбежно находился пять дней в храме. Но он поручил другому человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендательные письма к влиятельным лицам в Казани.

Переписка Гоголя с отцом Порфирием продолжалась зимой 1850/51 г. Очевидно, ещё летом у них шёл разговор о книгах затворника Задонского Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше: выдержки из них есть в составленном им сборнике выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839 г. Теперь отец Порфирий посылает ему последнее издание — 1850 г., в трёх томах, дополненное новыми письмами и «Кратким известием о жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия».

Отвечая на не дошедшее до нас письмо Гоголя из Одессы (от декабря 1850 г.), отец Порфирий писал ему из Оптиной Пустыни 26 января следующего 1851 г. (последнего в своей жизни): «Препровождаю к вам обещанные мною книги затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт и душа его стремилась к небу <...> Я надеюсь, что и жизнь его прочтете с удовольствием» [2, т. 15, с. 395].

Гоголь отвечал отцу Порфирию из Одессы 6 марта 1851 г.: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника⁵. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост! <...> Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами» [2, т. 15, с. 401]. В приписке Гоголь передавал душевный поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии.

Этого письма отец Порфирий, по всей видимости, получить не успел: он мирно почил о Господе 15 марта 1851 г. сорока семи лет от роду, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Таин. Свою смерть отец Порфирий предсказал за неделю. Внешне она произошла как следствие сильной простуды. Во время своей предсмертной болезни инок имел извещение о близкой кончине, и ему трижды являлся во сне преставившийся за шесть лет перед тем послушник Николай, которому при жизни отец Порфирий оказывал особое благорасположение, и говорил ему, чтобы он готовился к исходу из сей жизни. А накануне его кончины девяностолетний старец отец Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском уезде за триста верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни отца Порфирия, прислал ему рубашку (в которой он и преставился), пузырёк масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет инока в живых.

Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 г. Об этом посещении, надолго выпавшем из поля зрения биографов Гоголя, известно из записи в дневнике оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) от 2 июня 1851 г.: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург (на самом деле в Москву. — В. В.) известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия» [3, т. 3, с. 797; 11, с. 81].

Именно во второй свой приезд в Оптину Гоголь познакомился со старцем Макарием⁶. Есть предание, что преподобный Макарий предчувствовал приход Гоголя. Ста-

⁵ В издании 1850 г. все три тома были переплетены под одной обложкой.

⁶ Во время первого посещения Гоголем монастыря в июне 1850 г. преподобного Макария не было в скиту [см.: 10, т. 1, с. 183, 185]. Этим обстоятельством объясняются слова старца в письме к отцу Антонию (Бочкову) от 2 октября 1851 г., что «Николай Васильевич Гоголь два раза был в обители» [15, т. 1, с. 94].

рец Варсонофий рассказывал в беседе со своими духовными детьми: «Говорят, он был в то время в своей келии (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: “Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то”. В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь» [3, т. 3, с. 1018].

Почти несомненно, что в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в неё отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова), переписанным рукой преподобного Макария. Неизвестно, каким путём этот отзыв попал в Оптину; возможно, его привёз сам Гоголь, узнавший мнение святителя (в ту пору архимандрита) ещё в 1847 г.

Гоголь был едва ли не единственным русским светским писателем, творческую мысль которого могли питать святоотеческие творения. В один из приездов в Оптину он прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — преподобного Исаака Сирина (с которой в 1854 г. старцем Макарием было подготовлено печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мёртвых душ», принадлежавший графу А. П. Толстому, а после его смерти переданный отцу Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. На полях одиннадцатой главы, против того места, где речь идёт о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в прелести (обольщении. — В. В.), это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”⁷, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инок. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитро-сплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» [2, т. 6, с. 258].

В этот приезд Гоголь узнал об обстоятельствах смерти отца Порфирия и беседовал со старцами. По возвращении в Москву он пишет письма игумену Моисею и старцу Макарию (последнее не сохранилось⁸), в которых благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель (двадцать пять рублей серебром). Старцы, в свою очередь, благодарят Гоголя, а преподобный Макарий, кроме того, благословляет его на написание книги по географии России для юношества.

Замысел этого труда возник у Гоголя давно и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма (июль 1850 г.) высокому лицу, испрашивая материальной помощи на три года, он излагает свои сообщения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мёртвое изображение России, та су-

⁷ Выражение св. апостола Павла (Еф. 4: 29). Ср. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя: «Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще — слово...» («О том, что такое слово») [2, т. 6, с. 22].

⁸ Письмо, как можно судить по ответу отца Макария, носило исповедный характер и потому было уничтожено.

щественная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев <...> Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится...» [2, т. 15, с. 341–342].

Старец Макарий благословил это начинание, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий в благом деле: «...по желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, стираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению <...> В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие Его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения» [2, т. 15, с. 425–426]. Гоголь не успел осуществить этого замысла.

Третий и последний раз Гоголь посетил святую обитель в сентябре 1851 г. 22 сентября он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы Васильевны, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Достоверно известно следующее.

24 сентября Гоголь был у старца Макария в скиту и на другой день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать ему на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя тайное желание Гоголя возвратиться в Москву, и посоветовал ему это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда отец Макарий предложил всё-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение за ним самим, благословив его образом преподобного Сергия Радонежского, память которого совершалась в тот день.

Во время последней встречи Гоголя со старцем Макарием между ними состоялся разговор, содержание которого нам неизвестно. Возможно, Гоголь имел намерение остаться в монастыре. Преподобный Варсонофий рассказывал своим духовным чадам: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь. — В. В.) говорил своему близкому другу: “Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...” — “Чего? Отчего потеряли вы?” — “Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?”» [3, т. 3, с. 1018]. Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая писала В. И. Шенроку, биографу писателя, что брат её «мечтал поселиться в Оптиной пустыни» [3, т. 1, с. 153].

По словам преподобного Варсонофия, старец Макарий отнёсся к желанию Гоголя с определённой осторожностью: «Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с батюшкой о. Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни» [3, т. 3, с. 1018–1019].

Сразу после смерти Гоголя граф А. П. Толстой послал в Оптину Пустынь известие и пятнадцать рублей серебром на помин души новопреставленного. Помня за-

вет Гоголя, Александр Петрович всю оставшуюся жизнь поддерживал дружеские связи с обителем. Он переписывался с Оптинским старцем Амвросием и даже собирался поселиться в Иоанно-Предтеченском скиту. Промыслительные обстоятельства сопровождали и самую кончину графа. Летом 1873 г. на обратном пути из Иерусалима он умер в Женеве и отказывался исповедоваться и причащаться у местных священников. Оптинского инок Климента (Зедергольма), которому граф Толстой ранее много покровительствовал, в несколько дней рукоположили во иеромонаха и отправили за границу. В Женеве он исповедал и дважды причастил Александра Петровича, который умер на его руках.

Посмертная связь Гоголя с Оптиной Пустынью продолжалась. Летом 1852 г. С. П. Шевырев, друг и душеприказчик Гоголя, возвращаясь из Васильевки, куда он ездил навестить родных покойного и собрать материал для его биографии, заезжал в монастырь, где прочёл его насельникам «Размышления о Божественной Литургии». Оптинские инок, хорошо помнившие Гоголя, нашли это сочинение «запечатленным цельностью духа и особенным лирическим взглядом на предмет» [3, т. 3, с. 732].

В следующем году, к Троицкой родительской субботе (приходилась в 1853 г. на 6 июня), Мария Ивановна Гоголь послала в Оптину письмо и деньги. Игумен Моисей отвечал ей 30 мая из монастыря: «Почтеннейшее ваше письмо от 19-го сего мая и при оном пятьдесят рублей серебром от усердия вашего имел честь получить, согласно христианскому желанию вашему на приношение в обители нашей при Божественной Литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына вашего Николая Васильевича. Благочестивые его посещения обители нашей носим в памяти неизгладимо. По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого 1852 года исполняется по душе его поминовение в обители нашей на службах Божиих и навсегда продолжаемо будет с общеработным усердием нашим и молением премилосердного Господа: да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со святыми, а вам да ниспослёт свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына» [3, т. 1, с. 120].

В наши дни поминовение Николая Гоголя на оптинских службах восстановлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 <Архимандрит Леонид (Кавелин).> Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е, доп. / Репринтное издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, <1995>. 170 с.
- 2 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
- 3 Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд-е подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
- 4 Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 488 с.
- 5 Дурьлин С. Н. Русь прикровенная: [сборник] / сост. и автор вступ. статьи С. Фомин. М.: Паломник, 2000. 335 с.
- 6 Запальский Г. М. Оптина Пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 416 с.
- 7 Захарченко С. О. Чудо у мощей Спиридона Тримифунтского // XI Гоголівські читання: зб. наукових праць Міжнародної наукової практичної конференції

- (Полтава, 1 3 квіт. 2013 р.) / Полтавський національний пед. ун-т ім. В. Г. Короленка. Полтава, 2013. С. 136–139.
- 8 Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма / сост. и вступ. статья Н. Лазаревой; коммент. и указ. имен Л. Копылова, Н. Лазаревой. М.: Правило веры, 2002. 662 с., ил.
- 9 *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / вступ. ст. и коммент. И. А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.
- 10 Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: в 2 т. М.: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2008. Т. 1 / сост. монах Марк (Хомич). 704 с., ил.
- 11 *Нилус С.* Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа. Сергиев Посад: Тип. Троице Сергиевой лавры, 1911. 232 с.
- 12 Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века. Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012. 448 с.
- 13 <*Пушкин А. С.*> А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. В. Вацуру, М. Гиллельсона, Р. Иезуитовой, Я. Левкович. 575 с. (Литературные мемуары).
- 14 Собрание писем преподобного Макария Оптинского к мирским особам: [в 3 т.]. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2010. Т. 1: А – И / вступ. статья С. О. Захарченко; коммент. В. В. Кашириной, С. О. Захарченко, Т. В. Панюковой. 878 с.
- 15 Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам: [в 3 т.] / сост. и вступ. статьи к текстам писем С. О. Захарченко; коммент. С. О. Захарченко, Т. В. Панюковой. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2014.

Vladimir A. Voropaev,
FSEI HE «Lomonosov Moscow state University»,
Leninskie Gory 1-51, 119991 Moscow, GSP-1, Russia

**«THE GRACE OF LORD IS OBVIOUS TO BE THERE»:
OPTINA PUSTYN IN NIKOLAI GOGOL'S LIFE**

Acknowledgements: The paper was done with financial support of Russian Humanitarian Research Fund, project 14-04-00407a («New aspects of Gogol's biography and work study»).

Abstract: Gogol's visits to the Optina Pustyn and acquaintances with the community of the monastery left a deep impression on him: «I have never seen such monks. With every one of them, I seemed, conversed the entire heavenly host» (from the letter to Prince Alexander Tolstoy on July 10, 1850). The article deals with Gogol's relations with the brethren of the Optina Pustyn: lay brother Peter Gervais, starets Macarius (Ivanov), Hegumen Moses (Putilov), monk Porphyry (Grigorov), Hieroscemamonk Theodotes (Koltsov). We determined the addressee of Gogol's letter in the Optina

Pustyn (from the village of Dolbino, on June 20, 1850), who had been unknown or assigned incorrectly for a long time: «For Christ's sake, pray for me, Father Philaret...». It was Hieromonk Philaret (Theodotes in the schema), a starets of the Optina Pustyn, the confessor of the brethren of the Gethsemane skete of the Holy Trinity Sergius Lavra. The change of his monastic name when taking the schema, made an obstacle to a correct ascription of the letter. In 1916, Sergei Durylin quoted Gogol's lines and amplified them summing up the spiritual experience of many men: «Gogol expressed what everyone, revived with love and power of Optina Pustyn, would have said; everyone — from Kireyevsky to a weeping countrywoman».

Keywords: Gogol, Optina Pustyn monastery, monkhood, startsy, spiritual tutorship, writer's designs.

Received: April 01, 2016

Information about the author: Vladimir A. Voropaev — DSc in Philology, Professor of the Department of history of Russian literature, FSEI HPE «Lomonosov Moscow state University. E-mail: voropaevvl@bk.ru

REFERENCES

- 1 <Arkhimandrit Leonid (Kavelin).> *Istoricheskoe opisanie Kozel'skoi Vvedenskoj Optinoj Pustyni* [Historical description of Kozelsk Vvedensk Optina Pustyn]. Izd. 3-e, dop. / Reprintnoe izdanie Sviato-Vvedenskoj Optinoj Pustyni, <1995>. 170 p. (In Russ.)
- 2 Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 17 t.* [Complete collection of works and letters in 17 vol.], sost., podgot. tekstov i komment. I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. Moscow; Kiev, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009–2010. (In Russ.)
- 3 *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistemicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 t.* [Gogol in memories, diaries and letters of contemporaries. Complete systematic collection of documental sources. Research and critical edition in 3 vol.], izd-e podgot. I. A. Vinogradov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011–2013. (In Russ.)
- 4 Gol'denveizer A. B. *Vblizi Tolstogo* [Near Tolstoy]. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1959. 488 p. (In Russ.)
- 5 Durylin S. N. *Rus' prikrovennaia: [sbornik] [Covert Russia: collection]*, sost. i avtor vstup. stat'i S. Fomin. Moscow, Palomnik Publ., 2000. 335 p. (In Russ.)
- 6 Zapal'skii G. M. *Optina Pustyn' i ee vospitanniki v 1825–1917 godakh* [Optina Pustyn and its novices]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 416 p. (In Russ.)
- 7 Zakharchenko S. O. Chudo u moshchei Spiridona Trimifuntskogo [Marvel at the relics of Spiridon Trimifuntsky]. *XI Gogolivs'ki chitannia: zb. naukovikh prats' Mizhnarodnoi naukovoï praktichn. konferentsii (Poltava, 1 3 kvit. 2013 r.)* [XI Gogol readings: collection of papers of international research conference (Poltava, 1-3 April, 2013)]. Poltavs'kii natsional'nii ped. un-t im. V. G. Korolenka. Poltava, 2013, pp. 136–139. (In Russ.)
- 8 *Ivan Vasil'evich Kireevskii. Razum na puti k Istine. Filosofskie stat'i, publitsistika, pis'ma* [Ivan Vasilievich Kireevsky. Mind on the path to the Truth. Philosophical papers, publicism, letters], sost. i vstup. stat'ia N. Lazarevoi; komment. i ukaz. imen L. Kopylova, N. Lazarevoi. Moscow, Pravilo very Publ., 2002. 662 p., il. (In Russ.)

- 9 Kulish P.A. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem* [Notes on the life of Nikolay Vasilievich Gogol, composed from memories of his friends and acquaintances] vstup. st. i komment. I. A. Vinogradova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)
- 10 *Letopis' skita vo imia sviatogo Ioanna Predtechi i Krestitelia Gospodnia, nakhodiashchegosia pri Kozel'skoi Vvedenskoj Optinoj pustyni: v 2 t.* [The chronicle of skete after the name of Saint John the Baptist, situated at the Kozelsk vvedensk Optina Pustyn]. Moscow, Sviato-Vvedenskaia Optina Pustyn' Publ., 2008. Vol. 1 / comp. monakh Mark (Khomich). 704 p., il. (In Russ.)
- 11 Nilus S. *Sviatynia pod spudom. Taina pravoslavnogo monasheskogo dukha* [Shrine under the bushel. The secret of Orthodox monastery spirit]. Sergiev Posad, Tip. Troitse Sergievoi lavry Publ., 1911. 232 p. (In Russ.)
- 12 *Podvizhniki blagochestiia Optinoj Pustyni XIX – nachala XX veka. Zhizneopisaniia. Ocherki. Dokumenty* [Pious ascetics of Optina Pustyn of XIX-early XX cc. Lives, essays, documents]. Vvedenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr' Optina Pustyn', 2012. 448 p. (In Russ.)
- 13 <Pushkin A. S.> *A. S. Pushkin v vospominaniiaakh sovremennikov: v 2 t.* [Pushkin in the memories of contemporaries]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1985. Vol. 2 / sost., podgot. teksta i komment. V. Vatsuro, M. Gillel'sona, R. Iezuitovoi, Ia. Levkovich. 575 p. (Literaturnye memuary) (In Russ.)
- 14 *Sobranie pisem prepodobnogo Makariia Optinskogo k mirskim osobam: [v 3 t.]* [The collection of letters of venerable Macarius of Optyna to worldly people]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta Publ., 2010. Vol. 1: A – I / vstup. stat'ia S. O. Zakharchenko; komment. V. V. Kashirinoi, S. O. Zakharchenko, T. V. Paniukovoi. 878 p. (In Russ.)
- 15 *Sobranie pisem prepodobnogo Makariia Optinskogo k monakham: [v 3 t.]* [The collection of letters of venerable Macarius of Optyna to monks], sost. i vstup. stat'i k tekstam pisem S. O. Zakharchenko; komment. S. O. Zakharchenko, T. V. Paniukovoi. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo gos. un-ta Publ., 2014. (In Russ.)